

DOI 10.17150/978-5-7253-3085-4.44

Л.В. КУРАС

УДК 930

ББК 63.2

«МЯГКАЯ СИЛА» В РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЯХ: СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ*

В статье рассматривается состояние современной российской историографии проблемы истоков и современного состояния «мягкой силы» и перехода к стратегическому партнерству в российско-монгольских отношениях, ее инструментов во внешней политике Российской Федерации и отношениях двух стран на уровне регионов, а также отражения этих отношений в СМИ и оценке экспертного сообщества двух стран, включая оценку политического лидера Российской Федерации.

Но особый упор делается на степень изученности проблемы образования и науки как инструмента «мягкой силы», где наряду со стратегиями и экспортом образовательных услуг, рассматриваются такие сегменты «мягкой силы» как гранты, диссертационные сочинения, информационные письма и программы научных конференций.

Ключевые слова: «мягкая сила», российско-монгольские отношения, отечественная историография.

L.V. KURAS

«SOFT POWER» IN RUSSIAN-MONGOLIAN RELATIONSHIPS: CONTEMPORARY RUSSIAN HISTORIOGRAPHY OF PROBLEM

The article examines the state of contemporary Russian historiography of problem on the origins of “soft power” and transition to strategic partnership in Russian-Mongolian relationships, its instruments in foreign policy by the Russian Federation and relationships of two countries on the regional level, and also the image of the relationships in mass media and experts’ evaluation including the evaluation of political leader of the Russian Federation.

The particular emphasis has been placed on the level of knowledge of problems of education and science as instruments of «soft power», where along with educational strategies and export of educational services there have been studied the segments of «soft power» such as grants, dissertations, informational letters and programs of scientific conferences.

Keywords: «soft power», Russian-Mongolian relationships, Russian historiography.

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ – МинОНК (Монголия) «Мягкая сила» в российско-монгольских отношениях: сравнительный анализ». Проект № 19-514-44001.

С середины 80-х гг. XX в. «мягкая сила» [«soft power»] стала инструментом внешней политики и международных отношений ведущих держав. Это понятие ввел американский политолог Джозеф Най [1; 2], поняв, что «мягкая сила» стала механизмом внешней политики мировых держав, способных добиваться желаемых результатов на основе привлекательности, в отличие от «жесткой силы», т. е. силового воздействия. Благодаря Дж. Наю «мягкая сила» превратилась в доктрину, а США стали ее оплотом. «Мягкую силу» использовал и СССР по отношению к странам Варшавского договора и СЭВ и, особенно в отношениях с Монголией [3, с. 394].

В современном сообществе существуют рейтинги фактора «мягкой силы» в ведущих странах мира, что нашло отражение в современной историографии [4; 5; 6; 7]. В них позиции России довольно скромные, а в начале 2000-х гг. Россия лишилась этого потенциала и в зоне своего прямого влияния, даже в Монголии, хотя в этой части у нее богатое прошлое [8].

В последнее десятилетие понятие «мягкая сила» стало важнейшей составляющей современной политологии [5]. Это обусловлено стремлением России вернуть себе былую славу великой державы как на региональном, так и мировом уровне на всех сферах. И свидетельство тому грант Бурятского госуниверситета (БГУ) «Мягкая сила» в российско-монгольских отношениях: сравнительный анализ», поддержанный РФФИ – МинОНК (Монголия). До недавнего времени российская историография располагала лишь несколькими публикациями по проблеме, среди которых выделяется статья Е.В. Журавлевой, где осуществлен сравнительно-исторический анализ «мягкой силы» Китая, России и США по отношению к Монголии [9]. В этой связи историографическому анализу подвергнуты лишь публикации исполнителей гранта. Их можно структурировать в соответствии с поставленными проблемами: 1) «мягкая сила» во внешней политике Российской Федерации в Монголии и Монголии в России; 2) инструменты «мягкой силы»: образование и культура; 3) средства массовой информации как инструмент «мягкой силы» и экспертные сообщества двух стран; 4) академическая наука как наиболее действенный механизм «мягкой силы» и возможность перехода к стратегическому партнерству; 5) политический образ Владимира Путина в Монголии.

«Мягкая сила» во внешней политике Российской Федерации в Монголии и Монголии в России.

Возможности для использования российской «мягкой силы» в отношении Монголии были существенно лимитированы последствиями постсоциалистической трансформации. Произошло сокращение не только торгово-экономических связей, но и российско-монгольского сотрудни-

чества в области образования, науки, культуры. В этой связи возрастает роль таких институтов как Посольство РФ в Монголии, Российский центр науки и культуры, фонд «Русский мир». Руководитель гранта В.А. Родионов, хотя и указывает на наличие у них определенных «ограничений в плане продвижения российских интересов в социокультурной сфере», тем не менее, подчеркивает, что «эти структуры являются государственными организациями и ассоциируются с политикой Российского государства» [10, с. 40]. В этой связи коллектив исследователей особое внимание уделяет самой идее и применению инструментов «мягкой силы» в российской политике, опираясь на эволюцию «Концепции внешней политики Российской Федерации как ключевого документа внешней политики Российской Федерации». При этом они подчеркивают, что МИД России и Россотрудничество в качестве «мягкой силы» внешней политики считают имидж государства [11, с. 307]. В этой связи В.А. Родионов отмечает, что у России есть существенное преимущество перед другими государствами, имеющими свои интересы в Монголии: она воспринимается как самый желанный зарубежный партнер Монголии, а отношения с россиянами видятся монголам как наиболее комфортные [12, с. 285]. Кроме того, по его мнению, «логичными выглядят усилия российских организаций» в акценте на «значимые исторические события, как совместная победа в боях на реке Халхин-Гол и в освободительная война 1945 г.» [10, с. 38], хотя подобные мероприятия, проводятся больше «для официальных лиц, тогда как «рядовые граждане Монголии мало представлены на таких мероприятиях, в результате чего эффект оказывается незначительным» [там же]. Поэтому «анализ внешнеполитической деятельности России на монгольском направлении позволяет сделать неутешительный вывод. Все попытки российской стороны увеличить свое присутствие в Монголии, как правило, заканчиваются неудачей» [12, с. 283]. В этой связи исследователи уделяют внимание межрегиональным связям России и Монголии. Это представляется тем более важным, что до недавнего времени Монголия рассматривалась исключительно в качестве объекта «мягкой силы» великих держав [там же, с. 94]. Так между Бурятией, Тывой, Забайкальским краем и рядом аймаков Монголии действуют соглашения о сотрудничестве. А «вступивший в силу с ноября 2014 г. обоюдный безвизовый режим между странами стимулировал увеличение пассажиропотоков и миграционных перемещений в обоих направлениях» [там же, с. 95]. Что касается других составляющих приграничного сотрудничества, то это обусловлено языковой, культурно-исторической и религиозной близостью. Все это стало основой для идейного концепта «монгольский мир», суть которого сводится к тому, что, «между монголами, бурятами, тувинцами и даже проживающими за тысячи километров от Монголии калмыками существуют тесные, хоть

и незримые связи» [там же, с. 97]. Так, монгольский исследователь Д. Базардорж в интервью программе «Популяризация Монголии за рубежом» заявил: «Как независимое государство, ... мы ... несем историческую ответственность за исследование положения этнических монголов за рубежом» [там же, с. 95]. То есть, «Монголия позиционируется в качестве центра притяжения для всех остальных народов «монгольского мира», оказавшихся на его «периферии». Но «главным маркером в рамках «монгольского мира», является фигура Чингисхана» [там же, с. 98-99]. Есть и еще одна форма сотрудничества Монголии с приграничными субъектами Российской Федерации: помощь субъектам России в период пандемии [14, с. 43]. Поэтому, хотя «в масштабе всей России влияние Монголии мало ощутимо, но на уровне отдельных российских регионов оно вполне заметно». Тем самым «Монголия наращивает свое культурное влияние в ряде субъектов РФ (Бурятия, Тыва, Забайкальский край, Калмыкия), используя его как инструмент «мягкой силы» [13, с. 101].

Инструменты «мягкой силы»: образование и культура.

В публикациях исполнителей гранта образование выступает как основной инструмент «мягкой силы» в российско-монгольских отношениях [15]. В этой связи в статье И.Ц. Доржиевой и Э.В. Цыремпиловой основной упор делается на экспорт образовательных услуг России в Монголию [16, с. 51]. Поэтому не случайно оно позиционируется как сегмент внешнеполитической деятельности России, свидетельством чего является Концепция продвижения российского образования на базе представительства Россотрудничества за рубежом, принятая 27 марта 2014 г. Ее реализация вылилась в проект «Экспорт образования», направленный на повышение «привлекательности и конкурентоспособности российского образования на рынке образовательных услуг» [11, с. 308]. Не случайно в период с 1922 по 1991 гг. в вузах СССР получили образование более 55 тыс. монгольских граждан [12, с. 287]. Кроме того, важнейшим инструментом «мягкой силы» стала и классическая монгольская культура.

Но, самым важным инструментом «мягкой силы» российско-монгольского культурного сотрудничества становится русский язык, который исполнители проекта справедливо рассматривают как ресурс мягкой силы [там же, с. 286-287]. Не случайно монгольский исследователь Г. Томтогтох назвал его «единственным окном в мир» для монголов в XX в. [там же, с. 287]. Именно поэтому В.А. Родионов подчеркивает, что «высшее образование является ресурсом, тесно связанным с распространением русского языка и российской культуры» [там же]. Что касается возможностей российского высшего образования, то, по мнению В.А. Родионова, во-первых, «в Монголии функционирует созданная при социализме инфраструктура и технологии российских стандартов, обслуживание и подготовка которых возможна только в России. Во-вторых, наработанные

академические и образовательные связи, объективно создали условия для воспроизводства новых кадров за счет направления монгольской молодежи в российские вузы. В-третьих, российское образование соответствует уровню доходов средней монгольской семьи и удовлетворяет образовательные потребности монгольской молодежи. Не последнюю роль играет фактор влияния старшего поколения монголов на умонастроения своих молодых соотечественников» [10, с. 39].

Средства массовой информации как инструмент «мягкой силы» и экспертные сообщества двух стран.

Одним из показателей эффективности «мягкой силы» является деятельность СМИ. В 2019 г. сотрудники БГУ осуществили исследование образа Монголии в региональных СМИ республики Бурятия и Иркутской области. Они отметили, что СМИ способствуют формированию положительного образа соседа» [17, с. 145], но при этом лишь фиксируют «появление здорового и искреннего оптимизма в отношении перспектив взаимовыгодного сотрудничества». Хотя эта отстраненность позволяет СМИ выполнять функцию экспертного сообщества России и Монголии. И именно это позволяет простым гражданам двух стран осознать, что Россия (Монголия) по-прежнему являются значимым для России (Монголии) партнером [18, с. 208, 210]. Поэтому, по справедливому мнению В.А. Родионова, «в условиях сокращающегося пространства русского языка в Монголии наличие российских монголо-язычных каналов информации стало бы существенным подспорьем в деле продвижения социокультурного влияния России» [12, с. 289].

Академическая наука как наиболее действенный механизм «мягкой силы» и возможность перехода к стратегическому партнерству.

Наработанные за годы Советской власти научные связи стали не только фундаментом современного научного сотрудничества двух стран, но и наиболее действенным механизмом «мягкой силы» российско-монгольских отношений. В публикациях автора настоящей статьи выявлены основные сегменты научного сотрудничества России и Монголии: защита диссертационных сочинений при Институте монголоведадения, буддологии и тибетологии СО РАН, где в деятельности диссовета основным фактором является подготовка специалистов высшей квалификации для научно-образовательного комплекса Монголии [19, с. 128]; совместные гранты РГН (РФФИ) – МиноКН (Монголия) [3] (в рамках одного из них подготовлена настоящая статья). Кроме того, прошедший 2021 г., был для Монголии рекордным по числу юбилеев, среди которых 100-летие Монгольской революции и российско-монгольских дипломатических отношений, что стало информационным поводом проведения российско-монгольских научных конференций в Москве, Улан-Баторе, Владивостоке, Улан-Удэ, Иркутске, Элисте, которые мы также позицио-

нирует как механизм «мягкой силы» в российско-монгольских отношениях [20]. В этой связи мы рассматриваем уникальный сборник документов из архивов ФСБ [21] как инструмент «мягкой силы» [22].

Таким образом, современная историография позволяет говорить о реальном переходе российско-монгольских отношений от «мягкой силы» «к стратегическому партнерству» [20, с. 87]. Эта проблема уже не раз поднималась и в российской, и в монгольской историографии, а для ее реализации имеются все условия: во-первых, Улан-Баторская (2000 г.) и Московская (2006 г.) Декларации, а также Договор от 3 сентября 2019 г. «О дружественном отношении и всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Монголией». Это тем более важно, что за месяц до этого Монголия объявила о готовности вывести отношения с США на уровень стратегического партнерства; во-вторых, теоретические наработки ученых России и Монголии [23]; в-третьих, вызовы времени, когда на смену концепции «мягкой силы» приходит новая концепция «умной силы» как сочетание «мягкой силы» с «жесткой силой» [24]. Более того, на повестке появилась *sharp power* «острая сила», которая «подобно ножу, «вонзается» в социальный строй зарубежного государства с целью его дестабилизации» [25, с. 146].

Политический образ Владимира Путина в Монголии.

Но для стратегического партнерства, кроме «мягкой силы» важен и позитивный образ политического лидера государства, чьи успехи отождествляются с успехами государства. Именно поэтому образ Президента Российской Федерации В.В. Путина в Монголии «представляет собой отдельное явление». Тем более, что В.В. Путин по своей популярности превосходит популярность других зарубежных политических лидеров [26, с. 31]. А «в условиях, когда за последние 30 лет в Монголии было сформировано 16 правительств, политическое долголетие российского лидера – это залог стабильности и внутреннего порядка. В этом ракурсе российская модель общественно-политического развития, олицетворяемая фигурой Путина», это «один из ориентиров для Монголии» [там же, с. 34].

Таким образом, подводя итоги историографического анализа феномена «мягкой силы» в российско-монгольских отношениях, осуществленного на материалах публикаций исполнителей гранта, следует сделать вывод, во-первых, о тщательном и всестороннем анализе современного состояния российско-монгольских отношений, а, во-вторых, о готовности сторон к выходу на новый уровень отношений между нашими странами.

Список использованной литературы и источников

1. Най Дж. Гибкая сила. Как добиться успеха в мировой политике / Дж. Най. – Москва : Тренд, 2006. – 397 с.

2. Nye Jr. *Soft Power: The Means To Success In World Politics* / Jr. Nye [Най Дж. С. «Мягкая сила». Путь успеха в мировой политике]. – Public Affairs, 2009. – 208 p.
3. Курас Л.В. Грантовая деятельность РГНФ/РФФИ — МинОКН (Монголия) как инструмент «мягкой силы» (на материалах ИМБТ СО РАН) / Л.В. Курас // Историко-экономический ежегодник: 2020. – Иркутск : Изд-во БГУ, 2020. – С. 393-401.
4. Горлова И.В. Культура как «мягкая сила»: инструменты и точки приложения / И.В. Горлова, О.И. Бычкова // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 18. – С. 268–272.
5. Филимонов Г.Ю. Роль «мягкой силы» во внешней политике США : дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.04 / Г.Ю. Филимонов. – Москва, 2013. – 421 с.
6. Соломатин А.Н. Коммуникативные стратегии формирования международного имиджа России : дисс. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / А.Н. Соломатин. – Москва, 2014. – 159 с.
7. Агеева В.Д. Роль инструментов «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации в контексте глобализации : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.04 / В.Д. Агеева. – Санкт-Петербург, 2016. – 279 с.
8. Советско-монгольские экономические связи. 1955–1985 гг.: сборник документов / отв. ред. А.В. Юрасов ; отв. сост. Е.Р. Курапова ; сост. В.С. Пушкарев, Л. Мэндсайхан. – Москва : Фонд «Связь Эпох», 2019. – 774 с.
9. Журавлева Е.В. Прикладной анализ политики «мягкой силы» КНР, РФ и США в Монголии / Е.В. Журавлева // Вестник международных организаций. – 2018. – Т. 13, № 1. – С. 171–192.
10. Родионов В.А. Политика «мягкой силы» России в Монголии / В.А. Родионов // Россия и Монголия в XX–XXI вв.: к 100-летию монгольской революции и установления дипломатических отношений: сб. науч. ст. / науч. ред. В.Н. Пармон, Б.В. Базаров, ред. коллегия А. М. Плеханова [и др.]. – Новосибирск : СО РАН, 2021. – С. 37-40.
11. Бадмацыренов Т.Б. «Мягкая сила» в российской внешней политике в Монголии / Т.Б. Бадмацыренов, Е.Л. Бадмацыренова, Г.В. Тартыгашева // Власть. – 2021. – № 2. – С. 305-310.
12. Родионов В.А. Российские ресурсы «мягкой силы» в Монголии: текущее состояние и потенциал использования / В.А. Родионов // Власть. – 2020. – Т. 28, № 2. – С. 283-291.
13. Актамов И.Г. Инструменты «мягкой силы» Монголии в отношении российских регионов в начале XXI века / И.Г. Актамов, В.А. Родионов // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2021. – Т. 20, № 10: Востоковедение. – С. 92–102.
14. Актамов И.Г. «Мягкая сила» Монголии: истоки и современное состояние / И.Г. Актамов // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. – 2021. – № 1 (41). – С. 37-47.
15. Актамов И.Г. Образование как инструмент российской «мягкой силы» в российско-монгольских отношениях в конце XX – начале XXI веков / И.Г. Актамов // Научный диалог. – 2020. – № 4. – С. 221-237.
16. Доржиева И.Ц. Экспорт образовательных услуг России в Монголию в контексте реформирования монгольской системы образования / И.Ц. Доржиева, Э.В. Цыремпилова // Общество: политика, экономика, право. – 2021. – № 6. – С. 46–52.

17. Комбаев А.В. Образы Монголии в региональных СМИ приграничных территорий России как отражение «мягкой силы» Монголии (по материалам региональных печатных СМИ Иркутской области и Республики Бурятия) / А.В. Комбаев, И.Ц. Доржиева, Э.В. Цыремпилова // *Власть*. – 2020. – № 3. – С. 142-147.

18. Комбаев А.В. Российско-монгольские отношения сквозь призму мнений экспертного сообщества двух стран / А.В. Комбаев, Р.Э. Болотов // *Власть*. – 2021. – № 4. – С. 207-212.

19. Курас Л.В. Диссертационные сочинения о Монголии как проявление «мягкой силы» в российско-монгольских отношениях (на материалах диссертационного совета при ИМБТ СО РАН) / Л.В. Курас // *Власть*. – 2020. – № 2. – С. 127-131.

20. Курас Л.В. Информационные письма и программы научных конференций, посвященных 100-летию Монгольской революции 1921 г.: от «мягкой силы» к стратегическому партнерству / Л.В. Курас // *Власть*. – 2021. – № 3. – С. 85-90.

21. «Монголия в документах. Из архивов ФСБ России (1922-1936 гг.): сборник документов / науч. ред. В.В. Наумкин; отв. ред. К.В. Орлова, В.В. Грайворонский. – Москва : ИВ РАН, 2019. – 528 с.

22. Курас Л.В. Документальный сборник как инструмент «мягкой силы» в российско-монгольских отношениях: раздумья историографов / Л.В. Курас, Б.В. Базаров // *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. – 2020. – Вып. 4. – С. 94-101.

23. Россия и Монголия на пути стратегического партнерства / отв. ред. Р.Б. Рыбаков, Л. Хайсандай. – Москва–Улан-Батор : ИВ РАН, Институт международных исследований АН Монголии, 2011. – 440 с.

24. Морозов Ю.В. «Мягкая и жесткая» стратегия США в отношении России, Китая и других государств ШОС / Ю.В. Морозов // *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. Вып. XXII : ежегодное издание / сост., отв. ред. Е.И. Сафронова. – Москва : ИДВ РАН, 2017. – С. 121-138.

25. Кузнецов Н.М. Sharp power и внешняя политика США: сочетание несочетаемого? / Н.М. Кузнецов // *Власть*. – 2022. – № 1. – С. 146-151.

26. Родионов В.А. Политический образ Владимира Путина в Монголии / В.А. Родионов, А. Нямдолжин // *Власть*. – 2021. – № 1. – С. 30-35.

Информация об авторе

Курас Леонид Владимирович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 670047, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, e-mail: kuraslv@yandex.ru

Author

Leonid V. Kuras – Doctor of Sciences (History), Professor, Senior Research Scientist Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS 6, Sakhyanova st., Ulan-Ude, 670047, Russian Federation, e-mail: kuraslv@yandex.ru